

ПОЭТ И ВЛАСТЬ (Заметки о восприятии Осипом и Надеждой Мандельштам «времени большевиков»)

Аннотация. Восприятие российского мира после октябрьского переворота, передаваемое стихами Осипа Мандельштама, органично дополняется мемуарной социально-философской прозой жены Поэта. Чем стал для страны Октябрь? Что произошло с народом в результате гражданской войны, «военного коммунизма» и коллективизации? Как изменились за двадцать послеоктябрьских лет и в последующие годы большевистская власть и отечественная интеллигенция, не так давно считавшаяся элитой нации? Ответы на эти и иные подобного рода вопросы составляют существо стихотворных текстов Мандельштама. На них же, беспристрастно и глубоко, отвечает та, которую он называл «мое «ты»».

Ключевые слова: философия, мировоззрение, культура, власть, народ, человек, общество, интеллигенция, жизнь, смерть.

«В черном бархате советской ночи...»
О. Мандельштам

* * *

Любая власть стремится устроить жизнь людей по подобию сочиненного ею проекта. Иногда в сравнении с прошлым это небольшие изменения, иногда - радикальные и тем более сильные, чем жестче они вторгаются в реальную жизнь. Но и люди вольны строить свою жизнь, ускользая от давления власти или даже вопреки ему. За что они власти платят. Иногда жизнью. Но чаще, конечно, приспособливаются и не всегда это замечают.

Случай Мандельштама — особый. Он не мог жить, потворствуя власти. Вернее — не мог жить по-иному, чем определил ему жить Творец. И тело человека Мандельштама в этом житии по воле Его не имело никакого значения. Поэт и — редкий случай — та, которая всю жизнь была рядом и служила ему, это знали.

Нам ничего не известно о причинах и обстоятельствах смерти поэта Осипа Эмильевича Мандельштама. Мы не знаем места его захоронения. Даже дата — 27 декабря 1938 г. — сомнительна. Несомненно одно: его убила Власть. И как много говорит об этой кончине название того пространства суши, на котором завершилось его земное бытие. Окрестности Владивостока. Лагерный пункт «Вторая речка». Переименованное название одного из миллионов водных потоков, с которыми всегда был связан человек. Теперь, в этом обозначенном номером месте, по воле большевиков пребывает смерть. Да и как иначе? Ведь нельзя вместо номера дать реке имя. Все имена связаны с жизнью. У смерти имен нет. Поэтому еще у живых приговоренных отнимается имя и дается номер. Они предуготовляются к смерти. С номером же — биркой на ноге — лишено жизни сваливают в общую яму с названием «братская могила». Название лживо, у братьев есть имена. Пронумерованные не могут быть братьями. Номера означают лишь их очередь на конвейере смерти. И в тридцать

Статья подготовлена в рамках проекта РГНФ № 13-03-00041
«Философское содержание поэзии «серебряного века»: прошлое для будущего»

восьмом, на последнем участке ленты, в качестве малого физического фрагмента мировой материи Манделштам участвовал в решении одной из задач большевистской власти — «комплексном освоении ранее необжитых территорий». Эту прижизненную задачу ему определила Власть, отняв предназначение божественное «глаголом жечь сердца людей».

* * *

О Поэте и его творениях исследователями написаны горы. Извлеку немного, вызывающее, на мой взгляд, несомненный с реальностью диссонанс. Многие исследователи и Н.А. Струве, в их числе, привычно для логики обычного человека о Поэте и большевистской власти говорят о некоей постепенной его эволюции в осмыслении событий Октября. Например, так: «По отношению к революции он колебался вначале между да и нет, прельщался порой «социальной архитектурой», подобно тому, как в молодости обольщался внешним единством католического Рима. Но «никогда он Рима не любил», точно так же он быстро почувствовал, что то, «куда мы должны вступить», не тень родного города, а «крыло надвигающейся ночи»¹. И только в конце 1933 года «решение становится действием». Стихами о Сталине он «бросает вызов миру», вступает в «беспримерный поединок со своим временем», «сам себе подписывая смертный приговор»².

Но если стихи — материализация духовного, всего того, что изначально представляет собой Поэт, то Струве ошибается. Не было «колебаний», постепенного вызревания и состоявшегося лишь через шестнадцать лет после Октября «вызова миру». Все эти, приписываемые Манделштаму модуляции сугубо рациональны, предполагают ту или иную форму разумной отсрочки, «взвешивание» «за» и «против», в определенной мере «головное» решение. Не исключено — взнуданную волю. Нарратив Манделштама, как можно уловить из смысловой вибрации его стихов, иной. Поэт как «арестованный медведь», «природы вечный меньшевик» в переменах своих не властен. Да и в позднее предложенном Надеждой Манделштам делении его творчества на «этапы», связанные с индивидуальными жизненными циклами, сущностных изменений личности не отмечается.

¹ Струве Н. Православие и культура. М.: Русский путь. 2000. С. 415.

² Там же. С. 416.

* * *

Если начинать с 1917 г. и говорить об отношении к революции, то следует идти от первичного, принадлежащего самому Поэту, — его стихов. Датированные 16 августа 1917 г. строки — предчувствие под названием «Меганом». В переводе с греческого — «Большое поселение, жильё». Им назван высокий мыс в юго-восточном Крыму. Что формируют в сознании читателя образы поэтического текста? Стихи — о судьбе обитателей «Большого дома» от сегодняшнего дня — до загробной беспмятной жизни. Масштаб задается изначальными словами:

*Еще далеко асфodelей
Прозрачно-серая весна...*

Спрашивать у живущих о завтрашнем дне бессмысленно. Тени умерших, блуждающие среди цветов забвения, тем более ничего не могут знать о назревающих событиях. До большевистского переворота остается шесть недель. Но характер будущего неминуемо трагичен. Это следует из сверхрационального ощущения-предвидения автора, помещающегося в «пространстве» бытия-небытия между живущими и умершими. Поэт — медиум. Он видит, как под «ветряной луной» летают «хлопья черных роз» и траурной каймой влачится «птица смерти и рыданья». Он ощущает близость смерти. О ней дает знать и «черный парус», возникающий на горизонте после «похорон». Надвигающееся ужасно. Избежать его нельзя. И единственный доступный человеку способ отрешиться от него хотя бы в будущем — забвение.

И вот Октябрь. Первую, легко прочитываемую его оценку Поэт высказывает уже в ноябре. Ленин в стихах назван «октябрьским временщиком», который готовит стране «ярмо насилия и злобы». Из «красной подковы зданий» вылезает на свет низколобый пулеметчик в ошетилившемся «убийце-броневике», а злая чернь рукоплещет, когда на штыки накалывается сердце...

Если бы все это и в самом деле было временно.

Продолжение темы — декабрьское 1917 г. стихотворение «Кассандре». Прорицательница не ошибается в предсказаниях будущего. Она предупреждала троянцев о спрятавшихся в деревянной статуе греках, но те все равно ввезли коня в город. При гибели Трои была захвачена в плен и та, которая остерегала. Ее история отражается Манделштамом в стихах о недавней русской трагедии. Нас, только что все потерявших, «мучит

воспоминанье» о предостережениях прорицательницы. Что осталось?

*На площади с броневиками
Я вижу человека: он
Волков горящими пугает головнями —
Свобода, равенство, закон!*

Безумен или, напротив, рационален и прокативен человек, осыпающий волков икрами чужой цивилизации? Могут ли звери внимать ему? Их сдерживает только страх и ровно до той поры, пока перед ними пляшут еще не погасший огонь. Но он не долговечен, а содеянное «низколобыми» непоправимо и теперь

*...На площадях и в тишине келейной
Мы сходим медленно с ума...*

Тотальному ощущению Смерти посвящено и широко известное стихотворение с рефреном «Твой брат, Петрополь, умирает». Но если северная столица утратила бессмертие и близка к смерти, то Москва — «...в торговле хитрая лисица/...перед князем жалкая раба» — приспособилась к новой жизни и все увереннее правит волчьим миром. В ней, «столице непотребной», в «разбойном Кремле» гнездится большевистская Власть.

* * *

К счастью Поэт не все время пребывал в большевистской столице. Была Украина, был Крым. В этот период, когда Власть еще не успела взять его за горло³, в стихах Мандельштама обозначается весь грандиозный масштаб его личного восприятия мира, в котором где-то еще есть свобода.

*Поит дубы холодная криница,
Простоволосая шумит трава,
На радость осам пахнет медуница.
О, где же вы, святые острова,
Где не едят надломленного хлеба,
Где только мед, вино и молоко,
Скрипучий труд не омрачает неба
И колесо вращается легко.*

Но случившееся случилось, и забыть его невозможно. К «хлопьям черных роз» и «черному парусу» добавляются «Сухие листья октября, / Глухие вскормленники мрака». Стихи датированы «Осень 1920 (1917?)». Впрочем, не важно. А вот «октябрь» вполне читается как имя события. Какова же судьба ожидает его детей, подобных сухим листьям?

*И на пороге тишины,
Среди беспамятства природы.
Не вам, не вам обречены,
А звездам вечные народы.*

При всем катастрофизме совершившегося, «сухие листья» лишь локальное в пределах мироздания трагическое событие в жизни всего одного из народов. Иные народы — их множество — по-прежнему вечны. Но можно ли этим утешиться? Мы-то в России. А здесь:

*Нельзя дышать, и твердь кишит червями,
И ни одна звезда не говорит...*

Это «не раньше 25 августа» 1921 г. И уже пришло сознание того, что в стране «распалась связь времен».

*Век мой, зверь мой, кто сумеет
Заглянуть в твои зрачки
И своею кровью склеит
Двух столетий позвонки?
Кровь-спасительница хлещет
Горлом из земных вещей,
Захребетник лишь трепещет
На пороге новых дней.*

...
*Чтобы вырвать век из плена,
Чтобы новый мир начать,
Узловатых дней колена
Нужно флейтою связать.*

Случившееся — распад — очевиден. Исполнение возложенного на Поэта миссии — флейтой «связать» позвонки веков — сомнительна. Культура — подобие горящих головней, которыми до времени можно пугать волков. Но и без нее — миссии культуры — в жизни не остается никакой надежды и, кроме того, в силах ли Поэт избавиться от своего предназначения быть флейтой? И хотя он и ощущает себя ничтожно малым, это не мешает ему выполнять ему назначенное.

³ Именно это ощущение — взятого за горло человека — передает нам установленная в Воронеже скульптура Осипа Мандельштама, выполненная Лазарем Гадаевым.

*Я — трамвайная вишенка страшной поры
И не знаю, зачем я живу.*

...
*Лишив меня разбега и разлета
И дав стопе упор насильственной земли,
Чего добились вы? Блестящего расчета:
Губ шевелящихся отнять вы не могли.*

Еще одна часть важная часть мироощущения Поэта — слитность с окружающими. Он неизменно определяет себя как часть единого целого, ужасного, но все же накрепко связанного родственными узами:

*Пора вам знать: я тоже современник,
Я человек эпохи Москвошвея,
Смотрите, как на мне топорищится пиджак,
Как я ступать и говорить умею!
Попробуйте меня от века оторвать,
Ручаюсь вам — себе свернете шею!*

Но в отличие от «ужасного — родственного — целого», он обречен на собственную особую миссию-работу. Поэт награжден (скорее, как несущий трагическую весть гонец, гибельно назначен) артикулировать виденное — свершающийся ужас:

*Я больше не ребенок!
Ты, могила,
Не смей учить горбатого — молчи!
Я говорю за всех с такою силой,
Чтоб нёбо стало небом, чтобы губы
Потрескались, как розовая глина.*

К тому же, ужас состоявшегося мира многообразен. И нужно (назначено) успеть сказать обо всем виденном. Вот Крым эпохи коллективизации:

*Природа своего не узнает лица,
И тени страшные Украины и Кубани...
На войлочной земле голодные крестьяне
Калитку стерегут, не трогая кольца.*

Но это — взгляд снаружи. А вот то, что он несет в себе, что чувствует сам. Из личных уральских впечатлений:

*Там я плыл по реке с занавеской в окне,
С занавеской в окне, с головою в огне.*

*А со мною жена пять ночей не спала,
Пять ночей не спала, трех конвойных везла.*

И, параллельно, не покидающая Поэта попытка-наваждение-предчувствие будущего:

*Твоим узким плечам под бичами краснеть,
Под бичами краснеть, на морозе гореть.*

*Твоим детским рукам утюги поднимать,
Утюги поднимать да веревки вязать.*

*Твоим нежным ногам по стеклу босиком,
По стеклу босиком, да кровавым песком.*

*Ну, а мне за тебя черной свечкой гореть,
Черной свечкой гореть да молиться не сметь.*

Отдельного стоить рассмотреть как звучит у Мандельштама тема русского народа, традиционно любимого и превозносимого отечественной интеллигенцией. Все близко знавшие Поэта отмечали его живейший интерес к тому, что народом именовалось, а для Поэта — ко всем людям без исключения. Однако из этого вовсе не следует, что он, подобно Льву Толстому, тяготел к «народопоклонству» или и вовсе, как Достоевский со своим «мужиком Мареем» или идеей «всечеловечности», впадал в мифотворчество. Напротив, в его прозаическом произведении «Преступление и наказание в «Борисе Годунове» по поводу неоднозначно трактуемой сцены толпы у царских палат с последующим знаменитым пушкинским заключением «Народ безмолвствует» встречаем следующую оценку: «Крик отвратительной, слепой ненависти, который вырывается у мужика на амвоне: «Вязать Борисова щенка!» — заставляет нас окончательно разувериться в какой бы то ни было нравственной миссии народа»⁴.

Народ для Поэта — все те, с кем он живет рядом. С кем рядом он в одиночку работает. Не более того. Для понимания именно такого толкования — еще несколько образов:

*...Но как в колхоз идет единоличник,
Я в мир вхожу — и люди хороши.*

...
*...Я должен жить, дыша и большевея,
Работать речь, не слушаясь — сам-друг...*

...
*И не ограблен я, и не надломлен,
Но только что всего переогромлен...*

⁴ Мандельштам Осип. Полн. собр. соч. поэзии и прозы в одном томе. М.: Альфа-книга, 2010. С. 276.

*Как Слово о Полку, струна моя туга,
И в голосе моем после удушья
Звучит земля — последнее оружие —
Сухая влажность черноземных га!*

...
*Лишь бы только любили меня эти мерзлые
плахи —
Как прицелясь насмерть, городки зашибают
в саду, -
Я за это всю жизнь прохожу хоть в железной
рубаше
И для казни петровской в лесах топорище
найду.*

Признания — «люди хороши», «звучит земля»,
«лишь бы только любили меня». Чего большего
ждать от сокровенного высказывания?

* * *

Но если отношения Поэта с народом — это
жизнь и разговор с родственниками, с родными,
какими они бы ни были — хорошие или дурные,
то с Властью у Мандельштама, как и у многих,
подходящих ему «по рангу», все сложнее. Из хре-
стоматийного на ум сразу же приходит разговор
Пастернака с позвонившим ему Сталиным. В этом
разговоре Борис Леонидович впрямую Мандель-
штама не защитил⁵. Хотя Надежда Яковлевна и не
склонна его за это осуждать. Ей виднее.

Что определяло отношения Мандельштама и
власти? Поэт не принял главное детище Власти —
Октябрь и в значительной мере спровоцированную
после него большевиками гражданскую войну⁶. И

⁵ «Сталин сообщил Пастернаку, что дело Мандельштама пересматривается и что с ним все будет хорошо. Затем последовал неожиданный упрек: почему Пастернак не обратился в писательские организации или «ко мне» и не хлопотал о Мандельштаме. «Если бы я был поэтом и мой друг поэт попал в беду, я бы на стены лез, чтобы ему помочь...»». Ответ Пастернака: «Писательские организации этим не занимаются с 27-го г., а если б я не хлопотал, вы бы, вероятно, ничего бы не узнали...» Затем Пастернак прибавил что-то по поводу слова «друг», желая уточнить характер отношений с О.М., которые в понятие дружбы, разумеется, не укладывались. Эта ремарка была очень в стиле Пастернака и никакого отношения к делу не имела. Сталин прервал его вопросом: «Но ведь он же мастер, мастер?» Пастернак ответил: «Да дело не в этом...» — «А в чем же?», — спросил Сталин. Пастернак сказал, что хотел бы с ним встретиться и поговорить. «О чем?» — «О жизни и смерти», — ответил Пастернак. Сталин повесил трубку». (Цит. по: Мандельштам Надежда. Воспоминания. Т. 1. М.: Вагриус, 2006. С. 171).

⁶ Роспуск большевиками Учредительного собрания, а к лету 1918 г. и советов, которые заменили Комитетами бедноты,

эта линия в его творчестве шла постоянно, включая знаменитое:

Мы живем, под собою не чуя страны...

Но было и иное. Наверное, сочиненное в ужасе от каждодневного ожидания расправы. Ужас длился годами. (Однажды Мандельштам даже пытался покончить с собой, выбросившись из окна). Вот — из тридцать пятого:

*Пусти меня, отдай меня, Воронеж:
Уронишь ты меня иль проворонишь,
Ты выронешь меня или вернешь, —
Воронеж — блажь, Воронеж — ворон, нож...*

А в начале тридцать седьмого неожиданно и впоследствии тягостно для самого себя прорвало:

*Я рассказал о том, кто сдвинул мира ось,
Ста сорока народов чтя обычай...*

Он «мужество улыбкою связал». «И в дружбе
мудрых глаз... /...вдруг узнаешь отца». «...Ему на-
род родной...», «Могучие глаза решительно добры
/ Густая бровь кому-то светит близко». «Весь — от-
кровенность...». «Он улыбается улыбкою жнеца». «Есть имя славное для сильных губ чтеца. / Его мы
слышали, и мы его застали». «Хочу его назвать —
не Сталин, — Джугашвили». Следом — еще более
сильное:

*Если б меня наши враги взяли
И перестали со мной говорить люди,
Если б лишили меня всего в мире:
Права дышать и открывать двери,
И утверждать, что бытие будет
И что народ как судия судит...*

*Я упаду тяжестью всей жатвы,
Сжатостью всей рвущейся вдаль клятвы, —
И налетит пламенных лет стая,
Прошелестит спелой грозой Ленин,
И на земле, что избежит тленья,
Будет будить разум и жить Сталин.*

по признанию Ленина была необходимая мера для перехода от буржуазно-демократической революции к социалистической посредством переноса классовой борьбы в деревню, то есть из нескольких городов с организованных в них большевистскими мятежами — на пространство всей страны.

Как относиться к неприкрытому, хотя и довольно сдержанному славословию? Многие, — пишет Н.Я. Мандельштам, — советовали уничтожить стихи, будто ничего подобного никогда не было. «Но я этого не делаю, потому что правда была бы неполной: двойное бытие — абсолютный факт нашей эпохи, и никто его не избежал. Только другие сочиняли эти оды в своих квартирах и дачах и получали за них награды. Только О.М. сделал это с веревкой на шее... Ахматова — когда веревку стягивали на шее у ее сына. Кто осудит их за эти стихи?»⁷. И вправду, не нам судить. Потому, что в то время не жили и не способны хотя бы в малой степени вообразить кошмар тогдашнего бытия. И потому что это — поступок великого человека. И потому, что наряду с этими стихами есть противоположные, всеобъемлющие⁸, заведомо гибельные.

Очевидно, относиться следует как к одной из красок на огромной словесной картине, оставленной художником-поэтом. Впрочем, сам Поэт как завещание потомкам (март 1937) произносит:

*Не кладите же мне, не кладите
Остроласковый лавр на виски,
Лучше сердце мое расколите
Вы на синего звона куски...*

*И когда я умру, отслуживши,
Всех живущих прижизненный друг,
Чтоб раздался и шире, и выше
Отзвук неба во всю мою грудь!*

Сердце Поэта методично раскалывали на куски все двадцать лет, при советской власти прожитые. Об этом — Надежда Мандельштам.

* * *

Восприятие мира Мандельштамом, передаваемое его стихами, органично дополняется мемуарной прозой жены, женщины удивительно умной и проницательной. С выходом ее трехтомника мы получили редкую возможность не только увидеть изнутри то событийное, что случилось с Поэтом. Может быть, еще более ценны «сторонние», сделанные с близкого расстояния наблюдения, поданные через точные, беспощадные в своей прямооте оценки «большевистского времени».

⁷ Там же. С. 240.

⁸ «Думаю, что он не хотел уйти из жизни, не оставив недвусмысленного высказывания о том, что происходило на наших глазах». (Там же. С. 186).

Что обеспечивало их точность? Почему я думаю, что их нельзя потерять среди иных наблюдений подобного рода? Конечно, мы не найдем в них столь привычного гуманитариям анализа. Они не «вписаны» в какую-либо теорию, не подтверждают/опровергают предлагаемую автором какую-либо «концепцию». Но все же они ценны тем, что не позволяют после их усвоения поддаваться на принятие какой-либо легковесной конструкции. Они задают тональность, уровень и критерий, дающий возможность в дальнейшем, если повезет, смотреть на историю трезво и глубоко. Что же позволило Надежде Яковлевне дать нам такое видение? Наверное, ее и Поэта близость, почти слитность, которую он называл «мое «ты»»⁹.

Конечно, «время большевиков» — колоссальная по масштабу тема и, кажется, не серьезно затрагивать ее в жанре малой статьи. Однако если абстрагироваться от горизонтов и выделить в ней только два аспекта, все же нечто по этому поводу сказать я попытаюсь¹⁰. Итак, как в восприятии Н.Я. Мандельштам изменялось (меняло свою природу) общество и как эволюционировала послеоктябрьская (до конца тридцатых годов) власть.

* * *

Из более глубоких причин, оказавших влияние на мировоззрение послеоктябрьского российского общества, нужно сказать о некоторых чертах общего литературно-философского контекста второй половины XIX столетия. На мой взгляд, уже с Тургенева в русском мировидении, создаваемом классической литературой, четко обозначилась тема необычной для России общественной фигуры - нового «человека дела». В отличие от первых схематических попыток Гоголя с его позитивными персонажами второго тома «Мертвых душ», автор «Отцов и детей» впервые поставил своего героя на реальную почву. Еще более четко эта позиция была укреплена образом фабричного управленца Соломина — одного из героев заключительной части шеститомной романной прозы — романа «Новь». Далее этот ряд пополнился фигурами из революционных фантазий автора «Что делать?» и трезвыми мыслями-образами романов Лескова.

⁹ Мандельштам Надежда. Вторая книга. М.: Вагриус, 2006. С. 137-138.

¹⁰ Возможно, сколько-нибудь успешной попытка говорить о большом может быть только после этапа разговора о большом посредством малого.

Много невнятицы, да и просто ошибочных мыслей в эту тему внес своей публицистикой Достоевский¹¹. А потом, как свидетельствуют современники начала XX в. — Ахматова и та же Надежда Яковлевна, в философствующую русскую литературу устремился мощный поток всякого рода интеллектуальных махинаторов от поэзии. Умели они только одно — рушить фундаментальные смыслы и ценности европейской культуры, с большим трудом прививаемым в России XIX в. Это, кстати, было одной из фундаментальных причин ослабления общества против низового большевистского бунта: обществу, у которого были разрушены объединяющие его ценности, стало не для чего жить и нечего защищать.

Последовавшая за ленинским переворотом и длившаяся более трех лет гражданская война как классическая материализация идеи «войны всех против всех» стала мощным фактором формирования объединения людей особого типа — «переживших и выживших в гражданской войне». Одной из главных характеристик этого состояния стала **постоянная универсальная ориентация общества на власть**. Ее (власти) последовательный фанатизм и жесткая исполнительская четкость, с одной стороны, и, одновременно, варварское бескультурье и алогизм мышления и поступков с другой, в совокупности делали ее, может быть, самой страшной из бывших в истории. В силу своей природы она была абсолютно рационально непостижимой и потому непредсказуемой. Может быть, единственным обозначаемым ею критерием был всего лишь один, начисто лишенный какого-либо смысла, но зато неукоснительно применявшийся: «наш» — «не наш». Критерий этот базировался на еще более шатких основаниях: так называемом «классовом чутье» и «революционной целесообразности». В сравнении с ними языческие представления об устройстве мира (земля стоит на трех слонах, а слоны — на спине у кита) кажутся верхом содержательности. Как свидетельствует Н. Мандельштам, под критерий «не наш» в отношении очередного арестованного человека общество (а говорит она не о полутрамотных рабочих — вчерашних крестьянах, а о «своем круге») подводило все мыслимое. О нем, например, отзывались: «он такое себе позволял»; «он сказал...»; «у него такой ужасный характер»;

¹¹ Жена Поэта свидетельствует, что Мандельштам «чурался Достоевского». «...Он ощущал Достоевского как вместилище всех бесов и в своих поисках более светлых отношений с людьми закрывал глаза на пророческие прозрения великого каторжанина». (Там же. С. 280).

«что-то с ним не в порядке»; «чужой человек» и т.д. А если все-таки задавался рациональный вопрос «За что взяли?», то в ответ Ахматова, например, взрывалась: «Как за что? Пора понять, что людей берут ни за что...». Ярлык «не наш» был страшен, а его получение было первым шагом к материализации определяющей эпоху «диалектической» мысли «Кто не с нами, тот против нас».

Новое послеоктябрьское общество **не имело и ни в коем случае не претендовало на то, чтобы иметь какое бы то ни было собственное (общественное) мнение**. Удивительная черта нашей жизни, отмечает Надежда Яковлевна, состоит в том, что мои современники подавали петиции и просьбы, выражали свое мнение и действовали только после того, как выяснялось, что скажут по этому поводу «наверху». Более того. Довольно широк был слой тех, кто был уверен, что ни с кем не может случиться ничего дурного, если человек не совершал никакого преступления и его совесть была чиста. Но эта вера-чувство не существовало само по себе, в отдельности. С ним граничило другое — стремление во что бы то ни стало и при любой возможности власти услужить и, тем самым, как бы приобрести для будущего некий кредит-капитал.

Общество двадцатых годов безоглядно разрушило прежние ценности и нашло новые, как ему казалось, нужные универсальные формулы: «молодое государство, невиданный опыт, лес рубят — щепки летят... Каждую казнь оправдывали тем, что строят мир, где больше не будет насилия, и все жертвы хороши ради неслыханного «нового». Случилось то, что и должно было случиться: цель стала оправдывать средства, а потом и вовсе исчезла. И это нельзя считать только делом большевиков. Сами люди двадцатых годов начали аккуратно отделять своих от чужих, сторонников «нового» от тех, кто еще не забыл самых примитивных правил общежития.

Взаимная **слежка стала основным принципом, посредством которого общество самоуправлялось, а власть управляла обществом**. «Служащие несли свой мед директору, секретарю парторганизации и в отдел кадров. Учителя при помощи классного самоуправления — старосты, профорга и комсорга — могли выжать масло из любого школьника. Студентам поручалось следить за лектором. Взаимопроникновение тюрьмы и внешнего мира было поставлено на широкую ногу»¹². Постепенно люди «перестали

¹² Мандельштам Надежда. Воспоминания. Т. 1. М.: Вагриус, 2006. С. 49-50.

встречаться друг с другом», чем достигались далеко идущие цели органов. Кроме постоянного сбора информации власть добилась ослабления связей между людьми, в конечном счете — разъединения общества, дополняя слежку теми, с кого брали подписки о «неразглашении». Естественно, что когда «время большевиков» начало иссякать, все эти толпы «подписантов» оказались обречены жить под вечным страхом разоблачения и, как и кадровые служащие органов, стали заинтересованы в незабываемости порядка и неприкосновенности архивов, в которых были их имена.

Общество не только перестало хотя бы минимально самоуправляться. Оно утратило свой **родовой признак — быть связью между людьми**. «...Все промежуточные звенья — семья, свой круг, сословие, общество — внезапно исчезли, и человек очутился перед таинственной силой, которая именуется властью и служит распределителем жизни и смерти. В просторечье у нас это назвалось Лубянка»¹³.

Но на этом процесс не остановился. Вслед за исчезновением связей **исчезла личность отдельного человека**. Даже закоренелый индивидуалист для того, чтобы утвердиться в индивидуализме, должен иметь точку для отрицания. Еще более это необходимо для нормального становления личности.

Постоянное пребывание в уверенности о неизбежности происходящего и ужаса от совершившегося **изменило психику общества**. Тотальная необходимость подчинения разрушила личную ответственность и понятие греха. Более того. Происходящее воспринималось (и это последовательно насаждалось властью) как установленное отныне и на века. «Всех охватило сознание, что возврата нет. Это чувство было обусловлено опытом прошлого, предчувствием будущего и гипнозом настоящего. Я действительно утверждаю, что все мы, город в большей степени, чем деревня, находились в состоянии, близком к гипнотическому сну. Нам действительно внушили, что мы вошли в новую эру и нам остается только подчиниться исторической необходимости, которая, кстати, совпадает с мечтами лучших людей и борцов за человеческое счастье. Проповедь исторического детерминизма лишила нас воли и свободного суждения»¹⁴.

Происходящее в реальности настолько напоминало бред, что люди со здоровой психикой

предпочитали закрывать глаза. Но «психическая слепота» не проходила даром: **слепота разлагала всю душевную структуру**. В любом случае, ослепление было столь сильно, что когда случилась «хрущевская оттепель», эта перемена приспособившимися, в частности доносившими и сажавшими, была воспринята крайне болезненно: раз людям обещали, что ничего больше меняться не будет, то нельзя допускать никаких перемен. Пусть остановленное время продолжает стоять.

* * *

Как и новое «прибольшевистское» общество, новая большевистская Власть имеет свои корни в гражданской войне. Что же до того круга властей, с которым были связаны Мандельштамы, то он ограничивался сперва некоторыми образованными персонами властной элиты, а впоследствии — исключительно персонажами из карательных отрядов большевиков — ЧК.

Из отличительных признаков большевистской элиты Надежда Яковлевна прежде всего отмечает то же, что и в обществе качество — **постоянную универсальную ориентацию на вышестоящую власть**. Ни о какой публичной или хотя бы внутренней свободе даже у ее почти что высших представителей речи нет. Максим Горький, якобы плакальщик и защитник перед властями представителей русской словесности, по отношению к Мандельштаму выходит строго ориентированным на начальство мелочным чинушей и гонителем. Так, будучи «ответственным» за наделение новых российских писателей «имущественными благами» в виде одежды, против фамилии Мандельштама на просьбе о «выделении» таковой, он собственноручно о потребных штанах написал «Обойдется...».

Н.И. Бухарин, «любимец партии «Бухарчик», до поры до времени делавший попытки «продвигать» стихи Мандельштама и не умевший, по оценке Надежды Яковлевны, делать практических выводов из собственной общественной теории, после сочинения антисталинских стихов столь испугался, что не только перестал помогать, но и принимать жену Поэта.

Что же до природы репрессивной власти, то с момента ее укоренения в государственном и общественном теле и до конца тридцатых — гибели Поэта, она, хотя и претерпела существенную эволюцию, но не изменила своих изначальных целей. А их у нее было много. По оценке Надежды Яковлевны, это было **установление единомыслия**,

¹³ Мандельштам Надежда. Вторая книга. М.: Вагриус, 2006. С. 8.

¹⁴ Мандельштам Надежда. Воспоминания. Т. 1. М.: Вагриус, 2006. С. 60.

подготовка прихода тысячелетнего царства, искоренение свидетелей, способных что-то запомнить о творимом ее зле и прочее. При этом, людей снимали пластами по категориям: церковники, мистики, ученые-идеалисты, остроумцы, послушники, мыслители, болтуны, молчаливники, спорщики, люди, обладавшие правовыми, государственными или экономическими идеями, да еще инженеры, техники и агрономы, потому что появилось понятие «вредитель», которым объяснялись все неудачи и просчеты. В ЧК даже придумали поговорку: «Был бы человек — дело найдется».

Чекисты действительно были передовым отрядом «новых людей» — они подвергали все обычные взгляды коренной сверхчеловеческой ломке. До середины двадцатых годов в тайной полиции Мандельштамы сталкивались в основном с бывшими подпольщиками, окруженными молодежью. Уверенные в своей правоте, они охотно спорили, грубили, агитировали. Постепенно им на смену пришли «круглоголовые блондины» с вымученной манерой «рубаш-парней». Затем на их место заступили «молчаливые дипломаты», пытавшиеся произвести впечатление людей с весом и влиянием. И если у первой генерации были свои взгляды, то у последующих никаких взглядов, перевернутых или правильных, не было. Но как первую, так и последующие генерации объединяло одно: **они признавали только собственное кастовое право на мысль и суждение, отрицая такое за другими.** Они были уверены, что право на суждение определяется и будет определяться положением, чином и рангом.

Из того, что люди власти были людьми, пришедшими с войны, следовало еще одно важное их свойство. Несомненно, что многие были хорошими солдатами, вероятно, проявлявшими воинскую доблесть. Однако то, что требовалось на фронте — выполнять приказы, даже жертвуя собой, происходило в строю. Это, как говорит Надежда Яковлевна, была «служба, а не «битва». Для службы требуется не смелость, а стойкость, подчинение дисциплине, а не нравственному долгу. Человек, потерявший личность, нередко обретает достоинство именно в строю, на войне. В мирное же время он у нас тоже оказывался строевым и подчинялся приказам даже в тех случаях, когда они шли вразрез с его понятиями о долге и чести (у многих ли сохранились эти понятия?)»¹⁵. **Быть строевым человеком,**

ориентироваться только на приказы, а не на понятия долга и чести, а теперь, как показало последнее десятилетие, для исполнения приказа игнорировать и закон — еще одна черта тех, кто идет во власть и становится человеком власти.

Власть большевиков все же пришла за Надеждой Яковлевной. Ее арестовали, хотя и ненадолго, поскольку пред этим она успела умереть. «Накануне нового 1981 г., — сообщает подготовивший третью книгу ее воспоминаний Ю.Л. Фрейдин, — в однокомнатную квартирку в Черемушках, где друзья в скорби собрались у ее гроба, явились милиционеры и гэбэшники и насильно увезли в морг. Хорошо еще, что потом дали достойно отпеть и похоронить, а не бросили в безымянную могилу, как за сорок два года до того в лагере на «Второй речке» под Владивостоком тело ее мужа, поэта Осипа Мандельштама»¹⁶.

* * *

Явление Поэта в мир прошло почти не замеченным. Может быть, наиболее внимательно его жизнь и творчество отслеживала именно Власть, справедливо видевшая в нем одну из наибольших для себя угроз. Сам Мандельштам об этом не без гордости говорил: стихи в России имеют особое значение — за них убивают.

Что же до его кончины, то она была воспринята как совершенно закономерное явление: «не произвела ни малейшего впечатления ни на людей искусства и литературы, ни на читателей. Разве такой анахронизм имел право существовать в «дни великого совета»?»¹⁷. Горькие слова человека, которому довелось жить и постигать «время большевиков». Но разве они утратили свой экзистенциальный смысл спустя десятилетия, в сегодняшние дни? Почему мы по-прежнему лишены слуха?

Одна из причин этого прискорбного явления, как мне представляется, связана с тем, о чем говорит Надежда Яковлевна: «Дела прошлые, но как отражаются на потомках преступления отцов и дедов?» Думаю, отражаются, и приводят к столь же печальным результатам, как и прежде. По недомыслию, из-за лени или от страха, мы пренебрегли работой глубокого проясняющего анализа «прошлых дел». Более того: мы не выработали защит-

¹⁶ Мандельштам Надежда Яковлевна. Третья книга. М.: Аграф. 2006. С. 5.

¹⁷ Мандельштам Надежда. Вторая книга. М.: Вагриус, 2006. С. 302.

ных мер против того, чтобы эти дела не возникали вновь. На это можно возразить, что со времен так называемой перестройки, в нашу историю и культуру вернулась правда о «времени большевиков». Соглашусь. Но это произошло лишь отчасти, затронув только тех, кто и без того эту правду знал или о ней догадывался и, более того, умел никогда не поддаваться соблазну жить по ее логике. Каждый, кто был готов никогда не принимать «цен-

ностей» большевизма, перестроечным знанием укрепились. Но значительная часть общества и, еще менее, власть не озаботились лечением себя и тех, кто большевизмом был инфицирован или к нему предрасположен. И тоталитарное варварство, небрежение культурой не замедлили дать новые ростки. Похоже, «время большевиков» не ушло. Вот почему при всех переменах мы, по-прежнему, «...живем, под собою не чуя страны...».

Список литературы:

1. Манделъштам Надежда. Воспоминания. Т. 1. М.: Вагриус, 2006.
2. Манделъштам Надежда. Вторая книга. М.: Вагриус, 2006.
3. Манделъштам Надежда Яковлевна. Третья книга. М.: Аграф, 2006.
4. Манделъштам Осип. Полное собрание сочинений поэзии и прозы в одном томе. М.: Альфа-книга, 2010.
5. Струве Н. Судьба Манделъштама // Струве Н. Православие и культура. М.: Русский путь, 2000.

References (transliteration):

1. Mandel'shtam Nadezhda. Vospominaniya. T. 1. M.: Vagrius, 2006.
2. Mandel'shtam Nadezhda. Vtoraya kniga. M.: Vagrius, 2006.
3. Mandel'shtam Nadezhda Yakovlevna. Tre't'ya kniga. M.: Agraf, 2006.
4. Mandel'shtam Osip. Polnoe sobranie sochineniy poezii i prozy v odnom tome. M.: Al'fa-kniga, 2010.
5. Struve N. Sud'ba Mandel'shtama // Struve N. Pravoslaviye i kul'tura. M.: Russkiy put', 2000.